

Научная статья / Research Article

УДК 903.23

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-06)

ФАРФОР И ФАЯНС ИЗ РАСКОПОК УСАДЬБЫ НЕУДАЧИНА В ТОБОЛЬСКЕ

Яна Геннадьевна Загваздина

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск, Россия;
wandy00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1169-1578>

Резюме. Статья посвящена изучению материалов археологических раскопок, проведенных Л.Н. Сладковой в 1998 г. в нагорной части города Тобольска на территории усадьбы Неудачина (перекресток современных ул. Октябрьской и ул. Академика Юрия Осипова). Объектом исследования стали фрагменты фарфоровых и фаянсовых изделий, обнаруженные при раскопках в довольно большом количестве. В работе сделана попытка определить место и время изготовления изделий из фарфора и фаянса на основании в первую очередь информации на марках (клеймах) производителя. В публикации приведены статистические данные, касающиеся видовой принадлежности обнаруженных артефактов, материала, из которого они были изготовлены, а также вариантов их декорирования. Все обнаруженные изделия можно разделить по времени на предметы, изготовленные в советское время и в дореволюционный период. Кроме этого, уделено внимание месту производства находок, приведена информация о предприятиях — изготовителях фарфоровых и фаянсовых изделий. Советская фарфоровая и фаянсовая посуда, по всей видимости, связана с находившимся здесь в то время детским домом, который не мог обеспечиваться дорогостоящими товарами. Но если говорить о конце XIX — начале XX в., то, вероятно, ситуация была полностью противоположной. По всей видимости, на этом месте жили люди, занимающие довольно высокое положение в обществе и обладающие возможностью окружать себя дорогостоящими привозными вещами и посудой высокого качества. Сам чин владельца усадьбы Неудачина, который являлся действительным статским советником, говорит о его высоком имущественном и социальном положении. Это подтверждают и находки предметов импорта. Можно предположить, что и в более раннее время здесь жила городская элита. Находки, предварительно отнесенные к китайскому и европейскому фарфору, говорят о том, что на территории усадьбы жили люди с высоким уровнем дохода.

Ключевые слова: город Тобольск, фарфор, фаянс, усадьба Неудачина, марки, Верхний посад, Новое время

Благодарности: автор выражает глубокую признательность Любови Николаевне Сладковой, а также Тобольскому музею-заповеднику за возможность поработать с материалами раскопок.

Для цитирования: Загваздина Я.Г. Фарфор и фаянс из раскопок усадьбы Неудачиных в Тобольске // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №2. С. 84–104. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-06).

PORCELIAN AND FAIENCE FROM THE EXCAVATIONS OF NEUDACHIN'S ESTATE IN TOBOLSK

Yana G. Zagvazdina

Tobolsk Scientific Station of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobol'sk, Russia;
wandy00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1169-1578>

Abstract. This article is devoted to the study of the archaeological excavations materials carried out by L. N. Sladkova in 1998, in the upper part of the Tobolsk city, on the territory of Neudachin's estate (the intersection of modern Oktyabrskaya St. and Academician Yuri Osipov St.). The objects of the study were numerous fragments of porcelain and earthenware products found during excavations. In this research, there was an attempt to determine the place and time of manufacture of porcelain and earthenware products, guided primarily by the information on the manufacturer's stamps. The publication provided statistical data concerning the species of the discovered artifacts, the material from which they were made, as well as options for their decoration. All the discovered porcelain and earthenware products could be divided by time into items made in Soviet times and in the pre-revolutionary period. In addition, attention was paid to the place of production of finds, some information about the porcelain and earthenware products manufacturers was provided. Soviet porcelain and earthenware tableware of the USSR, apparently, was connected with the orphanage located there at that time, which, taking into account the war and post-war time, could not be provided with any expensive goods. But if we talk about the late 19th— early 20th century, the situation was probably completely different. Apparently, this place, located not far from the Kremlin, was inhabited by people who occupied a fairly high position in the society and had the opportunity to surround themselves with expensive imported things, including dishes of the highest quality. The rank of the owner of Neudachin, who was a valid state councilor, speaks of his high property and social status. This is confirmed by the finds of imported items. It can be assumed that the urban elite lived here at an earlier time. The finds, previously attributed to Chinese and European porcelain, indicate that people with a high level of income lived on the estate.

Key words: the city of Tobolsk, porcelain, faience, Neudachin's estate, brands, Upper town, New Time

Acknowledgements: we would like to express our deep gratitude to Lubov Nikolaevna Sladkova, as well as to the Tobolsk Museum-Reserve for the opportunity to work with the materials of excavations.

For citation: Zagvazdina Ya. G. Porcelain and Faience from Excavations of the NeudachinEstate in Tobolsk. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(2):84–104. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-06).

Введение
В последнее время появляется все больше публикаций, касающихся изучения археологического фарфора и фаянса. Эта категория находок встречается повсеместно при изучении городского культурного слоя, особенно более поздних его напластований. Вышли работы, характеризующие фарфоровые и фаянсовые находки в Кирове, Киеве, Ижевске и других городах (Евшин, 2019, с. 242–254; Левченко, Крыжановский, 2017, с. 282–288; Левченко, Крыжановский, Иванов, 2021, с. 214–221; Бернц, Сабиров, 2020, с. 96–114). Есть публикации, свидетельствующие о находках фарфора и фаянса на территории Кузнецкой крепости, в Кургане, Томске, Березове, Иркутске, Мангазее, Таре, Тюмени и ряде сибирских городов (Кауфман, 2008, с. 272–280; Янченко, 2016, с. 119–123; Сауков, Мергенева, 2020, с. 273–290; Черная, 2015, с. 212; Пархимович, 2008, с. 251–262; Бердников, Бердникова, 2008, с. 233–237; Татауров, 2014, с. 293–

294; 2018, с. 347–349; Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., 2019, с. 1418–1428; Семенова, 2021, с. 222–228). В 2011 г. тюменские исследователи подробно изучили артефакты, обнаруженные ими при исследовании культурного слоя Тобольска в 2007–2010 гг., позднее О. М. Аношко дополнила полученную картину новыми материалами (Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 116–124; Аношко, 2021, с. 204–209). Некоторые находки импортного фарфора, обнаруженные в Тобольске, также были опубликованы в отдельных работах (Загваздина, 2017, с. 463–465; Балюнов, 2021, с. 209–213).

Но, несмотря на возрастающий интерес к изучению находок из фарфора и фаянса, до сих пор публикации по этой тематике не потеряли своей актуальности. К сожалению, многие исследователи рассматривают эту категорию находок в общем массиве артефактов, не выделяя ее в качестве отдельного объекта изучения. Вероятно, это связано с тем, что в работе с данным материалом есть свои особенности. Археологический фарфор и фаянс, в отличие от предметов, хранящихся в музейных и частных коллекциях, за редким исключением, практически полностью фрагментирован. И атрибуция таких находок зачастую затруднена: бывает сложно установить не только производителя, но и нередко фрагмент какого изделия находится перед нами. Не выработан до сих пор и соответствующий особенностям этих находок единый алгоритм их описания и публикации (Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 116–124).

Тем не менее находки археологического фарфора и фаянса, особенно в относительно ранних напластованиях, могут существенно обогатить наши знания о материальной культуре, достатке и обычаях тоболяков. Изучение находок из фарфора и фаянса и введение их в научный оборот может не только более полно осветить картину быта городского населения, но и показать торговые связи с другими территориями и странами, а также в ряде случаев поможет с датировкой (Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 116–124).

Материалы и методы исследования

Целью работы является введение в научный оборот и общая характеристика коллекции изделий из фарфора и фаянса, полученной Л. Н. Сладковой в результате раскопок на территории бывшей усадьбы Неудачина в 1998 г. Характеристика рассматриваемой коллекции основывалась прежде всего на морфологических признаках, выяснялось, относится ли предмет к посуде (столовой или чайной) или к другой категории изделий, устанавливалось время и место его изготовления. Основываясь на времени изготовления, мы пытались установить, какие предметы из обнаруженных могли принадлежать владельцам усадьбы, и выяснить, есть ли связь между уровнем благосостояния и посудой, которой пользовались горожане.

Объектом исследования являются материалы, полученные тобольским археологом Л. Н. Сладковой в 1998 г. при изучении культурного слоя в одном из центральных районов г. Тобольска. Исследованный участок находится в нагорной части города, вблизи перекрестка современных улиц Октябрьской и имени академика Юрия Осипова (в 1998 г. — ул. Войкова). Раскоп в виде длинной траншеи размером 35×4 м, общей площадью 140 кв. м был разбит параллельно улице Войкова, на участке, где предполагались строительные работы (Сладкова, 1998, с. 2).

Раскоп находился на участке, где в конце XIX в. располагались хозяйственные постройки усадьбы действительного статского советника Неудачина (рис. 1). Дом сохранился и сейчас, правда, в перестроенном виде, расположен он чуть ближе к территории кремля. Дата постройки может быть отнесена к последней трети XIX в., когда имение принадлежало действительному статскому советнику В. П. Неволину. С переходом к новому владельцу дом, по-видимому, был кардинально переделан (Козлова-Афанасьева, 2008, с. 200).

Рис. 1. Место проведения раскопок на городском плане 1860 г.

Fig. 1. The place of the excavation on the city plan of 1860

Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г., здесь в то время проживали уроженка г. Томска потомственная дворянка Екатерина Андреевна Неудачина, вдо-

ва 55 лет, живущая на пенсию, два ее сына и четыре дочери. Кроме членов семьи в переписном листе отмечены как проживающие здесь пожилая незрячая, «призреваемая» Домна Хрисанфовна Иванова 69 лет, служившая ранее у Неудачиных няней, а также горничная, кухарка, кучер и дворник (Тропина, 2020, с. 278–289).

При переписи указано, что на дворовом месте имеется три жилых строения: дом на две квартиры, крытый железом, дом на одну квартиру, крытый деревом, в третьем строении располагается кухня. В квартирах №1а и 1б проживали сами Неудачины, в этом же доме, в квартире №2 — тобольский вице-губернатор, потомственный дворянин Николай Васильевич Протасьев с женой и прислугой. Квартиру №3 занимал мещанин, сторож типографии Семен Никитич Карпов (Тропина, 2020, с. 278–289).

В советское время дом Неудачиных был национализирован. В документах Тобольского окрисполкома за 1924 г. зафиксировано, что дом «двухэтажный, занят наработом. В доме располагается детский приют имени Ленина». Указана площадь участка — 1200 квадратных саженей (Тропина, 2020 с. 278–289). 1200 квадратных саженей составляют примерно 5500 квадратных метров земли. Такая значительная площадь, скорее всего, охватывала всю территорию, занятую постройками бывшей усадьбы Неудачиных.

С 1935 г. на этом месте размещался детский дом «Красный восток». Впоследствии на этой территории находилась столовая детского дома, затем — дирекция пионерских лагерей, бухгалтерия городского отдела народного образования и общество слепых. В советское время в главном доме усадьбы, сохранившемся до наших дней, располагался сам детский дом, затем городской отдел народного образования, а сейчас в здании находится музей (Сладкова, 1998, с. 2).

В ходе исследований выяснилось, что слои раскопа перерезаны проложенными здесь коммуникациями, кирпичными и бетонными опорами постройки советского времени, кирпичными колодцами, заполненными современным мусором, и прочими поздними перекопками (Сладкова, 1998, с. 2–5, 7–9). Тем не менее имеются ненарушенные участки культурного слоя, которые сам автор раскопок Л. Н. Сладкова (1998, с. 3, 12) датирует XVII–XVIII вв.

Подавляющее большинство находок, в том числе обломков фарфоровых и фаянсовых изделий, происходит из нарушенных слоев, в связи с чем для их датировки и изучения использованы другие методы — типологический, статистический, метод аналогий, сравнительно-исторический.

Обломки фарфоровой и фаянсовой посуды являются одной из самых массовых категорий находок и составляют пятую часть всех обнаруженных при работах артефактов (21%). Всего в ходе работ было обнаружено 812 фрагментов фарфоровых и фаянсовых изделий, из них фарфор составляет 345 единиц, фаянс — 467 (рис. 2, 3). Среди изделий из фаянса преобладают фрагменты тарелок — 326 (70%), затем идут фрагменты изделий наподобие супниц (?), их количество составляет 41 фрагмент (8%), обломки чашек/кружек наличествуют в количестве 21 фрагмента (4%), осколки прочих изделий (ручка от крышки, крышка от супницы) насчитывают семь предметов (менее 2%). Для 12% (54 фрагмента) фаянсовых изделий не удалось определить, к какой категории посуды они относятся. Кроме посуды встречены обломки кафельной плитки, изразцов(?) и пока неопределенных изделий цилиндрической формы. Общее количество обломков изделий, не относящихся к посуде, составляет около 4% (18 фрагментов).

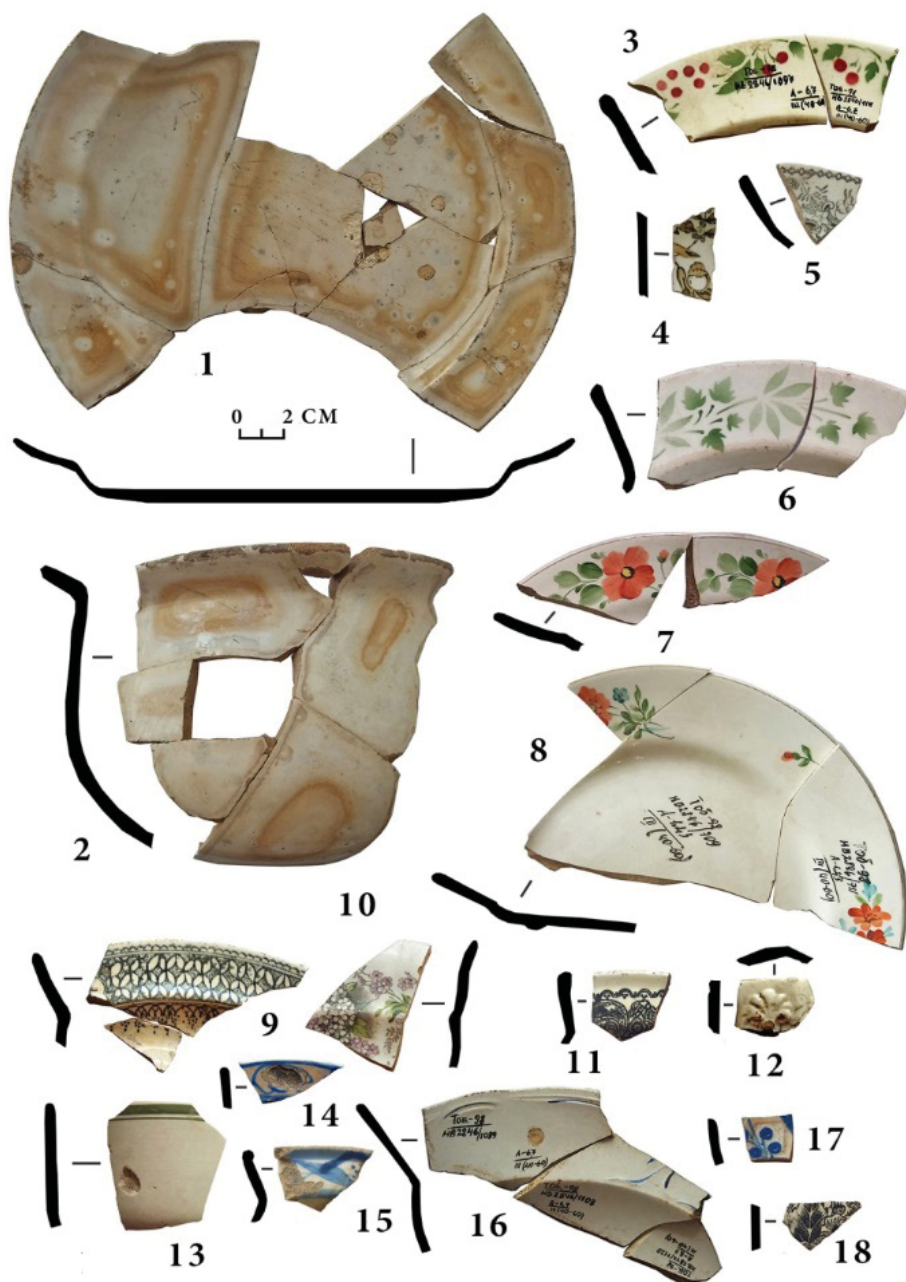

Рис. 2. Фрагменты фаянсовой посуды, обнаруженные при раскопках на территории бывшей усадьбы Неудачина

Fig. 2. Fragments of earthenware found during excavations on the territory of the former Neudachin's estate

Рис. 3. Фрагменты изделий из фарфора, обнаруженные при исследованиях на территории бывшей усадьбы Неудачина

Fig. 3. Fragments of porcelainware found during excavations on the territory of the former Neudachin's estate

Среди фарфоровых изделий наибольший процент занимают чашки — 139 фрагментов (40%), на втором месте по встречаемости — тарелки — 86 фрагментов (26%), затем идут блюда — 56 фрагментов (16%). У 11% (38 фрагментов) не удалось определить, к какой категории посуды они относятся. Около 6% (22 фрагмента) составляют обломки таких изделий, как сахарницы, заварочные чайники и их составные части. Чуть более 1% (4 фрагмента) составили обломки изделий, не относящихся к посуде, — обломки голов фарфоровых кукол и китайской вазы(?).

Таким образом, среди фарфоровых изделий преобладает посуда, предназначенная для чаепития, а среди предметов из фаянса — столовая посуда.

Среди фрагментов самой распространенной категории фаянсовых изделий, к которым относятся тарелки, 118 (36%) не имеют никакого декора, 142 (44%) украшены растительным орнаментом, 105 (32%) — геометрическим, иногда и то, и другое сочетается. Один фрагмент (менее 1%) украшен архитектурным изображением, декор на четырех фрагментах (чуть более 1%) не удалось отнести ни к одной из вышеупомянутых категорий.

Среди обломков супниц и их крышек подавляющее большинство, 43 фрагмента (91%), лишены декоративного оформления, два (менее 5%) фрагмента украшены растительным, два (менее 5%) — геометрическим орнаментом.

Обломки фаянсовых чашек/кружек в 43% случаев (9 фрагментов) не имеют орнамента, 33% декорированы геометрическим орнаментом, два фрагмента (10%) украшены изображением пейзажа. У двух фрагментов (10%) не удалось установить мотивы декора.

Изделия из фаянса украшались при помощи рельефа, а также подглазурной кобальтовой росписью, надглазурной ручной росписью, деколью, печатным рисунком, а также декорированием с помощью аэрографии.

Самая встречаемая категория фарфоровой посуды — чашки. Из них 24% (33 фрагмента) лишены оформления, более половины изделий имеют декорирование растительными мотивами (76 фрагментов — 55%), а геометрический орнамент встречается лишь в трети изделий (45 фрагментов — 32%), в единичном случае встречен «чешуйчатый» орнамент (1 фрагмент — менее 1%). У 18 изделий (13%) оформление не удастся привести ни к одной из вышеупомянутых категорий из-за фрагментарности.

Что касается фарфоровых тарелок, то 51 фрагмент (59%) лишен какого-либо декора, геометрический орнамент имеется у 28 (33%), растительный — у девяти (10%), пейзажный — у четырех (5%), декор еще у двух фрагментов (чуть более 2%) не удалось интерпретировать. Иногда различные мотивы декора сочетаются на одном изделии.

Фрагменты блюд без орнамента составляют 11% (6 фр.), по частоте встречаемости лидирует растительный орнамент, который присутствует на 25 фрагментах (45%), чуть менее популярен геометрический (22 фрагмента — 39%), «чешуйчатый» орнамент украшает всего один фрагмент изделия (менее 2%). Как и на тарелках, иногда разные мотивы сочетаются между собой. У восьми фрагментов (14%) не удалось установить мотивы декорирования.

Декор на обломках заварочных чайников (сахарниц?) в 11 случаях (52%) состоит из геометрического орнамента, на двух фрагментах (10%) имеется растительный орнамент. На четырех фрагментах (19%) орнамент отсутствует.

Фрагменты единственной встреченной вазы (?) орнаментированы растительными мотивами.

Фарфоровые изделия декорировались различными способами: при помощи рельефа, нанесением подглазурной кобальтовой росписи, надглазурной ручной росписи, печатного рисунка, декалькоманией.

На изделиях встречено 49 марок и их фрагментов. Из них 31 располагается на посуде из фарфора, 17 — на изделиях из фаянса, одна — на кафельной плитке, одна — на голове фарфоровой куклы (рис. 4). Подавляющее большинство марок нанесено надглазурно.

Среди марок, относящихся к дореволюционному периоду, встречен фрагмент изделия, маркированный знаком завода М. С. Кузнецова в Дулёве (рис. 4.-2). Уцелевший фрагмент представляет собой надпись «(Ф)абри(ка) М. С. Кузнецова въ Дулеве». Завод был основан в 1832 г. в пустоши Дулёво Покровского уезда Владимирской губернии крестьянином Терентием Яковлевичем Кузнецовым. В 1864 г. после смерти сына основателя завода — Сидора Терентьевича управление заводом перешло к его сыну Матвею Сидоровичу, образовавшему в 1887 г. «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова». В 1850-х гг. качество изготавливаемых изделий было не на самом высоком уровне, но с приходом к управлению предприятием Матвея Сидоровича ситуация стала меняться к лучшему, и постепенно предприятие вышло на лидирующие позиции в России, а в 1902 г. владелец завода стал придворным поставщиком. С 1872 г. на марках появляется государственный герб (Марки российского фарфора..., 2003, с. 175–180). Исходя из этого, фрагмент можно отнести к периоду 1887–1917 гг.

В собственности «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова» также был завод в Вербилках, приобретенный в 1892 г. у Е. Н. Гарднер. Среди выпускаемой продукции большую часть составляли чайные и столовые сервизы, посуда для восточного рынка, а также пудреницы, флаконы, вазочки. В марках, представившихся на продукции, помимо государственного герба в ряде случаев ставились буквы «ДФ» (Дмитровская фабрика) (Марки российского фарфора..., 2003, с. 195–196). Т. И. Дулькина сообщает, что литеры «ДФ» вместе с изображением государственного герба проставлял также входивший в «Товарищество...» и уже упоминавшийся завод в Дулеве. Но, к сожалению, она не приводит изображения самой марки (Марки российского фарфора..., 2003, с. 176). В то время как в той же работе и ряде других имеется изображение государственного герба Российской империи вкупе с надписью «Товарищество М. С. Кузнецова» и буквами «ДФ», которые маркируют изделия завода в Вербилках (Марки российского фарфора..., 2003, с. 196; Мусина, 1995, с. 44; Галкина, Мусина, 2005, с. 328). Опираясь на эти данные, мы склонны относить имеющийся в рассматриваемой коллекции фрагмент изделия с маркой «Т(оварищество) М. С. Кузне(цова)» «Д.Ф.», нанесенной надглазурно коричневой краской, к Дмитровской фабрике и в соответствии с этим датировать в пределах 1892–1918 гг. (рис. 4.-7). Но все же, надо признать, что есть вероятность того, что изделие принадлежит Дулевской фабрике. В этом случае датировка марки будет 1887–1918 гг. (Марки российского фарфора..., 2003, с. 176).

Еще один фрагмент изделия с маркой, состоящей из четырех листьев, разделенных крестом, и надписью «(Ф)абрики (Куз)нецо(ва)», нанесенной надглазурно коричневой краской, также относится к дореволюционному периоду и принадлежит к продукции

завода И. Е. Кузнецова в Волхове. Предприятие было основано Иваном Емельяновичем Кузнецовым в 1878 г. близ станции Волхов Новгородского уезда Новгородской губернии. На заводе изготавливалась продукция довольно высокого качества из фарфора, фаянса и майолики (Марки российского фарфора..., 2003, с. 197–200). Датировать обнаруженный в Тобольске фрагмент можно в пределах дат существования предприятия, 1878–1917 гг. соответственно (рис. 4.-1).

Встречены также три фрагмента изделий с марками в виде двух круглых медалей и изображением ангела(?) над ними, которые заключены в круг. Надписи по внешней стороне окружности следующие: «(Гаври)ила Ма(ркова)», «Маркова»(?). Еще у одной марки надпись отсутствует или находилась на утраченной части изделия. Марки сохранились фрагментарно, на одной из них, нанесенной надглазурно, практически полностью стерт красочный слой. Тем не менее они очень похожи друг на друга, хотя и не идентичны (рис. 4.-5, 6, 10). Все марки были нанесены синей краской, иногда надглазурно, иногда подглазурно. Заводы Марковых, основанные в с. Коняшино Бронницкого уезда Московской губернии Марком Назаровым в 1830 и около 1840 гг., в 1850-х перешли к его сыновьям Антону и Николаю. Под фамилией Марковы они, разделив заводы, изготавливали фарфоровые и фаянсовые изделия. Завод под управлением Антона Маркова, а позже его сына Гаврилы, просуществовал до 1897 г. Завод Николая, перешедший впоследствии к его сыну Алексею, функционировал до начала 1890-х гг. (Мусина, 1995, с. 44).

Еще одна марка также, по всей видимости, относится к предмету, изготовленному на заводе Гаврилы Маркова: надпись «ГМ» — начальные буквы имени и фамилии владельца предприятия, нанесенные синей краской (рис. 4.-12). Следовательно, эти находки могут быть датированы в пределах 1859–1897 гг. (Марки российского фарфора..., 2003, с. 218).

Обнаружено довольно большое количество марок, относящихся к советскому времени. Одной из самых поздних встреченных марок (1 фрагмент) является марка фарфорово-фаянсовой фабрики «Пролетарий», которая находилась в селе Бронницы Новгородского округа Ленинградской области. Марка представляет собой нанесенные красно-коричневой краской заглавные буквы «П» и «З» (рис. 4.-3), означающие, вероятно, «Пролетарий» и «завод». Предприятие было образовано на базе национализированного завода И. Е. Кузнецова. Изготавливались в основном хозяйственная фарфоровая и фаянсовая посуда невысокого художественного уровня (Марки российского фарфора..., 2003, с. 377). Датировать изделие с этой маркой можно в пределах 1958–1967 гг.

Среди атрибутированных шесть марок принадлежат Конаковскому фаянсовому заводу имени М. И. Калинина, образованному на базе национализированной фабрики товарищества Кузнецова в Твери. В разное время предприятие носило различные названия: «Тверская фарфорово-фаянсовая фабрика имени М. И. Калинина в Кузнецове», «Конаковская фаянсовая фабрика имени М. И. Калинина в Калининской области», а с 1937 г. — «Конаковский фаянсовый завод имени М. И. Калинина». В довоенное время на заводе выпускали не только столовую посуду, но и анималистическую скульптуру, а на Всемирной выставке в Париже в 1937 г. продукция завода завоевала медали и Гран-при. В первые послевоенные годы выпускается посуда, декорированная только надглазурным способом, художники выполняли образцы для трафарета, аэрографа, печати. Декорированная таким способом посуда присутствует и в наших материалах

(рис. 2.-3, 6). Марки, сохранившиеся в полном виде, представляют собой надписи «Главфарфорфаянс», «ММП РСФСР», «Ф-ка им. Калинина», «Конаково» и изображение вазы в незавершенном круге с языками пламени, нанесенные надглазурно зеленой краской. Главфарфорфаянс ММП (Министерства местной промышленности) РСФСР — орган управления фарфорово-фаянсовой отраслью. Фрагменты фаянсовых тарелок с марки Конаковского завода тоже следует отнести к послевоенному периоду: четыре марки (рис. 4.-15) можно датировать 1941 — началом 1950-х гг., две марки — чуть более поздним временем (1952–1962 гг.) (Марки русского фарфора..., 2003, с. 367–371).

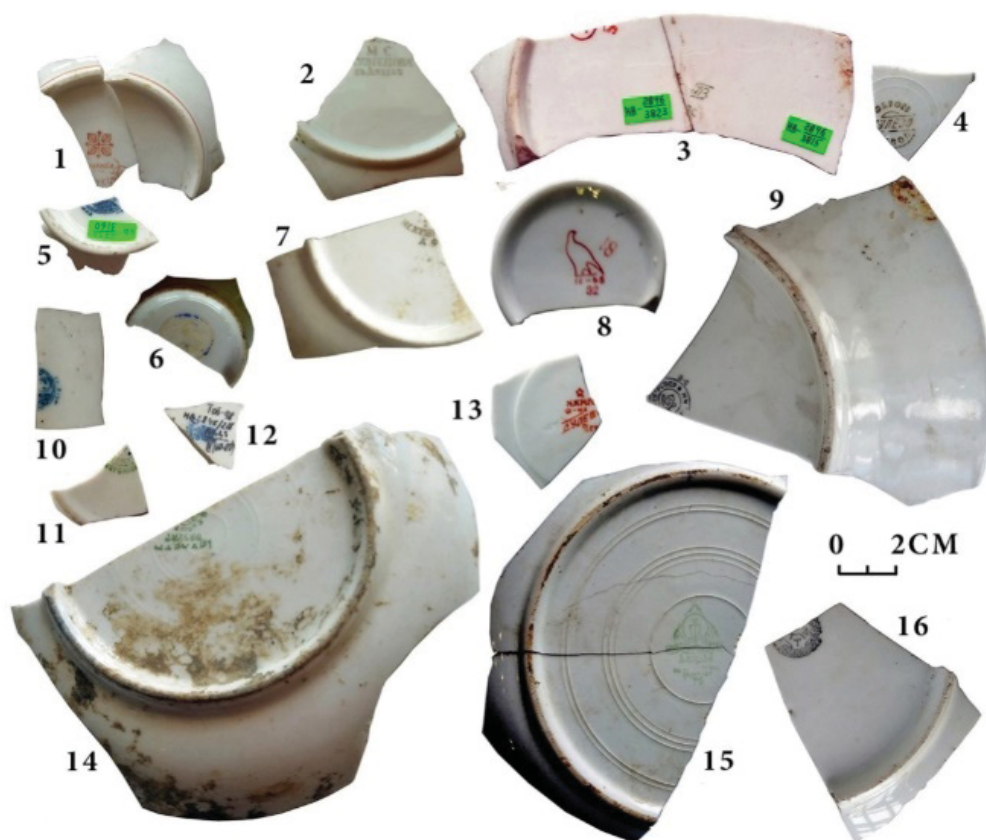

Рис. 4. Марки на посуде, относящиеся к дореволюционному периоду и советскому времени

Fig. 4. Stamps on the dishes, belonging to the pre-revolutionary and Soviet period

Еще один завод, когда-то принадлежавший «Товариществу М.С. Кузнецова», а впоследствии национализированный, марки которого имеются в составе рассматриваемой коллекции, находился в Дулеве Московской губернии. В начале XX в. он был одним из крупнейших предприятий России, специализировавшихся на выпуске фарфора и фаянса. После национализации, уже к середине 1920-х гг., благодаря использованию куз-

нецовских форм завод выпускает весьма богатый ассортимент продукции, в том числе изделия для Персии и Средней Азии. В послевоенное время на заводе выпускается большое количество бытового фарфора. В росписи дулевских изделий распространяется народная орнаментика, в палитре преобладают зеленые, синие и оранжево-красные цвета (Марки российского фарфора..., 2003, с. 361–364). В рассматриваемой коллекции присутствуют шесть целиком и частично сохранившихся марок этого предприятия. Три относятся к довоенному времени. Одна из самых ранних дулевских марок советского периода отпечатана черной краской надглазурно в виде герба СССР, в центре которого серп и молот и буквы «(Р) Т Ф» — Росфарфортрест, а внизу на ленте — «ГАЗ. ПРАВДА», слева от ленты «НК», справа «ЛД». В этот период времени предприятие называлось фабрикой имени газеты «Правда», что прописано в марке, «ЛД», возможно, означает г. Ликино-Дулево. Относится марка к 1930–1934 гг. (рис. 4.-16). Еще одна довоенная марка представляет собой изображение звезды, а ниже — надпись «НКМП(?), ф-ка, Дулев(о) 2 (сорт?)», где НКМП — Наркомат местной промышленности, нанесено красно-коричневой краской надглазурно. Датировать ее можно в пределах 1934–1936 гг. (рис. 4.-13). В коллекции представлена сохранившаяся неполно марка, нанесенная надглазурно зеленой краской. На уцелевшей части надпись — «(фа)рфор з-д», «Дулево», «марка Р1» (рис. 4.-14). Изделие можно отнести к 1936–1945 гг. (Марки российского фарфора..., 2003, с. 364).

К послевоенным относится марка в виде надписей, образующих круг, — «ФАРФОР» «(Д)УЛЕВО» «(ЗА)ВОД», нанесенных надглазурно коричневой краской. Такие марки датируются 1948–1951 гг.

С 1962 г. на марке завода появляется изображение сокола, которое, с некоторыми изменениями, существует по сей день. В нашей коллекции два изделия с такой маркой. Изображение нанесено надглазурно красно-оранжевой краской. На марке, вероятно, обозначен сорт изделия — «1с» (рис. 4.-4, 8). Датируются предметы 1962–1968 гг. (Марки российского фарфора..., 2003, с. 364).

Дмитровский фарфоровый завод (Вербилки) также когда-то принадлежал Товариществу М. С. Кузнецова. После революционных событий и национализации качество выпускаемой продукции значительно ухудшается в связи с прекращением поставок импортного сырья. Тем не менее в начальный советский период продукция завода продолжает выпускаться, затем появляется агитационный фарфор. Новая продукция выполняется по старым моделям, но получает новое оформление в соответствии с идеологией вновь образованного государства. В военное время художественные изделия практически не изготавливаются, в 1950-х гг. завод выпускает большое количество предметов быта. Кроме чайных приборов выпускаются вазы и скульптура (Марки российского фарфора..., 2003, с. 355–359). Пять фрагментов из рассматриваемой коллекции имеют марки Дмитровского завода. Они нанесены надглазурно черной и зеленой краской. Марка представляет собой изображение чайника с серпом и молотом, заключенного в двойной круг с надписью «РСФСР ММП Дмитровская ст. Вербилки» (Министерство местной промышленности РСФСР, станция Вербилки) (рис. 4.-9, 11). Иногда марки указывают на сорт (3-с — рис. 4.-9). Все они относятся к периоду 1935–1952 гг. (Марки российского фарфора..., 2003, с. 358).

Не все обнаруженные фрагменты, содержащие марки изготовителя, удалось прочитать: 14 из них настолько фрагментарны, что атрибутировать их не представляется возможным, четыре можно отнести к советскому времени, но из-за неполной сохранности изделий определить производителя затруднительно.

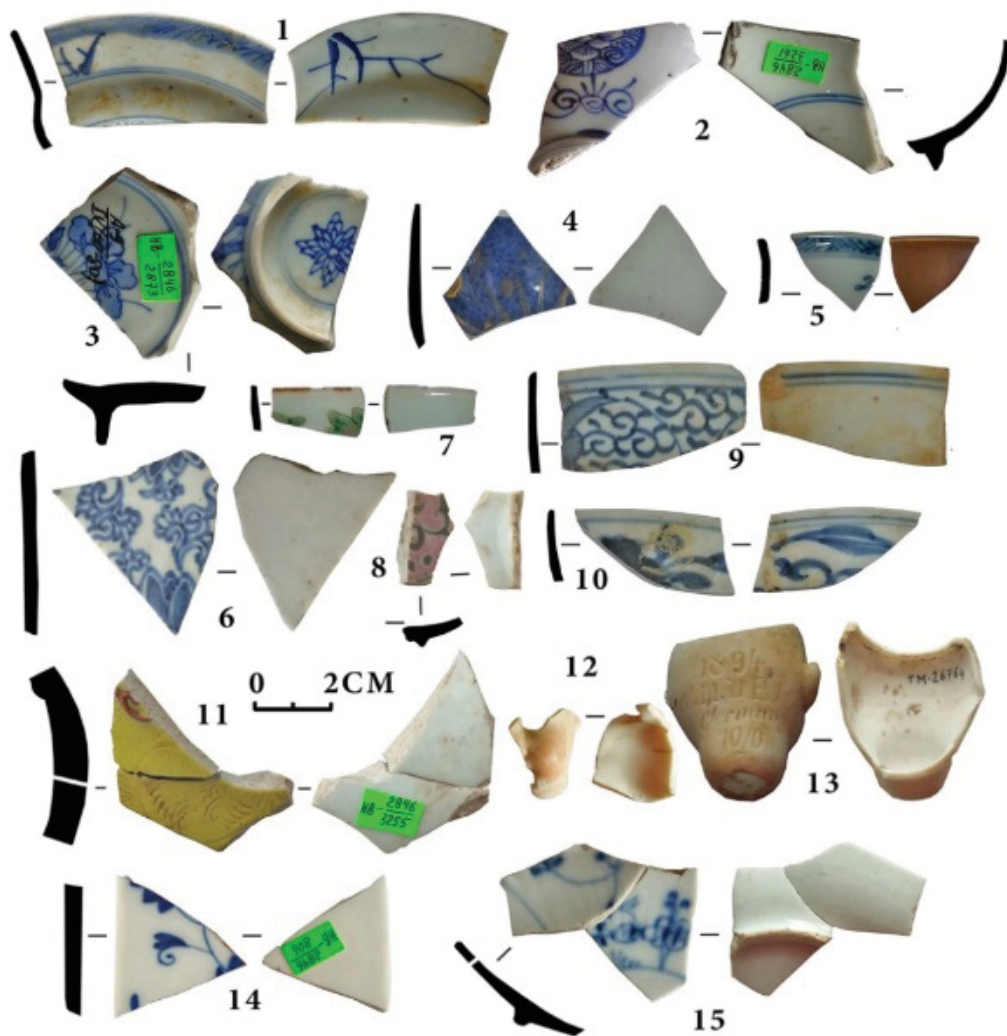

Рис. 5. Предметы импорта, обнаруженные при раскопках 1998 г.

Fig. 5. Objects of import found during the excavations of 1998

К импортным вещам, безусловно, можно отнести фрагменты голов фарфоровых кукол (рис. 5.-12, 13). Один из них (затылочная часть) имеет маркировку «1894 A.M. DEP. Germany 10/0». Клеймо, вдавленное в тесто, указывает год изготовления и страну-изготовителя. «А.М.», вероятно, означает фирму, выполнившую куклу, в данном случае

это Арманд Марсель (Armand Marseille) — один из крупнейших и известнейших изготовителей голов для кукол из бисквитного фарфора того времени (Смышляева, 2019, с. 217–227; Политова, 2020, с. 316–335). Цифры 10/0 указывают, скорее всего, на размер изделия. Второй фрагмент не удастся соотнести с производителем, но с большой долей вероятности можно говорить о том, что это также предмет импорта, скорее всего, немецкого или французского производства (Загваздина, 2021, с. 198–206).

Одну из сохранившихся посудных марок, представляющую собой изображение цветка в двойном круге, нанесенную подглазурно, кобальтом, идентифицировать не удалось. Предположительно изделие изготовлено в Китае (рис. 5.-3).

Помимо этого изделия имеются еще фрагменты посуды, которые предварительно можно отнести к импорту. Среди находок встречены фрагменты двух изделий предположительно европейского производства (рис. 5.-14, 15), а также обломки от 11 изделий, вероятно, китайского изготовления (рис. 5.-1–11).

Фрагмент блюда с рифленой поверхностью и характерной флоральной росписью (рис. 5.-15), выполненной подглазурно кобальтом, вероятно, относится к продукции Датской королевской фарфоровой мануфактуры, уже встречавшейся в Тобольске (Балюнов, 2021, с. 209–213). Такой рисунок получил название Bluefluted («Синий волнистый»), и в настоящее время это название является синонимом датского фарфора (Булгакова, 2019, с. 28–40), а сам рисунок наносился на изделия в период с 1790 г. по настоящее время.

Еще один фрагмент изделия, отнесенного нами к европейскому производству, изготовлен, по всей видимости, на Мейсенской фарфоровой мануфактуре. Фрагмент украшен подглазурной кобальтовой росписью (рис. 5.-14) и изображает один из самых популярных мотивов — «Синий лук» (нем. Zwiebelmuster). Такой декор, впервые появившись на изделиях в 1739 г., пользуется популярностью до сих пор (Булгакова, 2019, с. 28–40).

Изделия, отнесенные нами к европейскому фарфору, сложно датировать ввиду фрагментарности, а также вследствие того, что представленный на рассматриваемых фрагментах орнамент является традиционным, а изделия, декорированные таким образом, изготавливались продолжительное время, начиная с XVIII в. до современности.

Если говорить об изделиях, которые предположительно изготовлены на Востоке, то большинство из них украшено подглазурной кобальтовой росписью. Этот вид росписи, которая является настоящим символом Поднебесной, получает развитие во время правления династии Юань (1280–1368 гг.), достигает расцвета в эпоху Мин (1368–1644 гг.) и в последующее время, теряя свою популярность только к началу XX в. Причем мастера XVIII–XIX вв. зачастую копировали произведения более раннего времени, нередко снабжая копию также маркой воспроизводимой вещи (Павлухина, 2009, с. 4–17).

К сожалению, при отсутствии полных аналогий и марок, а также привязки к определенным узко датированным слоям отнести данные вещи к какому-либо времени пока весьма затруднительно.

Исключение составляет фрагмент, найденный в заполнении постройки, которую автор раскопок Л. Н. Сладкова (1998, с. 12) относит к XVIII в. Кроме того, заполнение этого сооружения было перекрыто углистым слоем, связанным, вероятно, с большим городским пожаром 1788 г. Таким образом, данный предмет может быть датирован XVIII в. (рис. 5.-6). Фрагменты изделия, которое было отнесено нами к китайской

вазе (рис. 5.-11), по оформлению обнаруживают значительное сходство с китайской вазой из собрания Тобольского музея, датируемой XIX в. (Госкаталог музейного фонда... ТМ-11237). Можно предположить, что эти изделия синхронны и изготовлены в одном и том же месте, возможно, принадлежали одному владельцу.

Обсуждение и выводы

Таким образом, рассмотрев коллекцию фарфорово-фаянсовых изделий из раскопок на территории усадьбы Неудачина, мы можем подвести некоторые итоги. Среди обломков доминируют изделия из фаянса, меньше изделий из фарфора. Среди фаянсовых изделий преобладает столовая посуда, фарфоровые изделия в основном предназначались для чаепития. Декорированы изделия различными способами — от рельефа до росписи и декалькомани. Орнаментальные мотивы также разнообразны, но преобладает растительный орнамент.

Среди дореволюционных марок в большем количестве встречены марки завода Марковых, чуть меньше марок заводов М.С. Кузнецова и И.Е. Кузнецова. Первые относятся ко 2-й половине XIX в., вторые — к последней трети XIX — началу XX в. Найдена также голова фарфоровой куклы немецкого производства, изготовленная в конце XIX в. К XIX в. можно отнести и обломки китайской вазы. К XVIII в. — обломок расписанного кобальтом китайского фарфорового изделия. Обломки посуды, отнесенные нами к европейскому импорту, могут относиться к широкому временному промежутку — начиная от XVIII в. до 1917 г. (когда в силу событий, происходящих внутри страны, были нарушены торговые связи с европейскими странами).

Вещи китайского производства без клейм можно датировать еще более широким временным диапазоном. Атрибуция фрагментированных изделий довольно сложна и требует дальнейшей работы.

С обитателями самой усадьбы, о которых выше уже шла речь, мы можем связать изделия заводов Марковых и Кузнецовых, а также головы фарфоровых кукол. Можно допустить, что принадлежала обитателям усадьбы и китайская ваза XIX в. (под обитателями усадьбы мы имеем в виду в первую очередь семью Неудачиных, как основных жильцов, в меньшей степени — снимавших у них жилье вице-губернатора Н.В. Протасьева и мещанина С.Н. Карпова, так как нет информации о том, как долго они проживали в этом месте и пользовались ли посудой и вещами хозяев усадьбы). Остальными изделиями китайского и европейского производства могли владеть как Неудачины (либо снимавший в то же время в доме Неудачиных квартиру тобольский вице-губернатор Н.В. Протасев), так и действительный статский советник Неволин, построивший главный дом усадьбы, либо другие горожане, проживавшие здесь в более ранний период времени.

Посуда советского времени, в том числе значительное количество фаянсовой столовой посуды, по всей видимости, связана с функционированием здесь детского дома.

Могут ли изделия из фарфора и фаянса «рассказать» об уровне благосостояния их обладателя? На наш взгляд, могут, даже если речь идет о поздних периодах времени. Если, к примеру, говорить о посуде времен СССР, в том числе о большом количестве дешевой фаянсовой посуды, довольно широко распространенной и не отличающейся высоким качеством, которую мы связываем с детским домом, то можно сказать о весьма скромном обеспечении данного учреждения. Находившийся здесь детский

дом, особенно с учетом военного и послевоенного времени, вообще не мог обеспечиваться какими-либо дорогостоящими товарами, в том числе посудой. По этой же причине не могли в то время здесь оказаться и импортные вещи.

Посуда заводов Марковых, а также заводов И. Е. Кузнецова и М. С. Кузнецова была значительно выше по качеству и рассчитана на широкий круг потребителей. Особенно это касается продукции М. С. Кузнецова, ассортимент которой был настолько разнообразен, что мог удовлетворить запросы практически всех слоев населения. В частности, на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 года, проходившей в Москве, можно было приобрести тарелки стоимостью от 1,75 до 80 руб. за дюжину, чайные сервизы — от 6 руб. 50 коп. до 250 руб., вазы — от 5 руб. до 2 тыс. руб. (Галкина, Мусина, 2005, с. 328). Таким образом, продукция заводов М. С. Кузнецова была доступна широким слоям горожан, но отнюдь не любую выпускаемую заводами Матвея Сидоровича посуду могли приобрести рядовые горожане, так как были вещи очень высокого качества и стоимости. На данном этапе исследования нам сложно сказать, имеется ли среди рассматриваемых находок дорогостоящий кузнецовский фарфор, но импортный фарфор определенно можно отнести к дорогим и статусным вещам, которые свидетельствовали о высоком имущественном достатке.

Кроме того, нам известно о высоком статусе владельца усадьбы. Хозяин усадьбы В. П. Неудачин носил чин действительного статского советника. Это довольно высокий гражданский чин, соответствующий IV классу «Табели о рангах», который давал право занимать самые высокие посты в регионе, вплоть до губернатора. Так, последний тобольский губернатор Н. И. Ордовский-Танаевский, так же как и пятеро его предшественников, управлявших губернией в конце XIX — начале XX в., заступил на должность, будучи в чине действительного статского советника (Сибирские и тобольские губернаторы..., 2000, с. 395, 403, 419, 430, 445, 452). Да и живущий здесь же вице-губернатор Н. В. Протасьев — тоже обладатель довольно высокой должности и соответственно статуса.

По всей видимости, этот район города, находящийся в непосредственной близости от кремля, считался достаточно престижным, и проживали здесь люди, имевшие высокие должности и соответствующий уровень дохода. Это подтверждают и находки предметов импорта, в частности вазы, которой, вполне возможно, владели упомянутые выше чиновники.

Интересно, что сохранившиеся дореволюционные марки проставлены исключительно на фарфоре, а марки на фаянсовых изделиях относятся только к советскому периоду. Стоит отметить также, что не встречено марок уральских фарфорово-фаянсовых заводов (завод братьев Фетисовых в Шадринске, Чекановых в Екатеринбурге, Ушкова в Пермской губернии и др.), которые располагались относительно недалеко от Тобольска и продукция которых уже была встречена при изучении культурного слоя Тобольска, Кургана, Тары и других городов (Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 116–124; Сауков, Мергенева, 2020, с. 273–290; Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., 2019). Можно высказать предположение о взаимосвязи качества уральской посуды, которое зачастую бывало не на высоте (Бубнова, 1973, с. 98; Сауков, Мергенева, 2020, с. 273–290), и вследствие этого ее низкой стоимости (Сауков, Мергенева, 2020, с. 273–290) с уровнем благосостояния проживающих здесь во 2-й половине XIX в. горожан. Один из бывших

воспитанников существовавшего здесь детского дома, известный художник-косторез М. В. Тимергазеев, вспоминал о стороже-истопнике, знакомом с бывшими хозяевами, который рассказывал детдомовцам про то, что на территории усадьбы был некогда сад с фонтанами, дом кучера-конюха, прачечная, дома для прислуги, летняя столовая и конюшня (Тропина, 2020, с. 278–289). Сложно оценить, насколько эти рассказы соответствуют действительности, но становится понятно, что, во всяком случае, для истопника, эта усадьба выделялась по благосостоянию среди остальных городских построек.

Можно предположить, что и в более раннее время, в частности в XVIII — 1-й половине XIX в., здесь жила городская элита. Об этом свидетельствует находка обломка китайского фарфора, отнесенная нами к XVIII в.

Таким образом, находки из фарфора и фаянса, полученные при раскопках Усадьбы Неудачина, вполне соотносятся с документальными источниками. Дальнейшее изучение обнаруженных в результате работ 1998 г. артефактов позволит сделать более обоснованные выводы о людях, проживавших на этой территории в разные временные периоды, их достатке и статусе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аношко О. М. Культура чаепития жителей Тобольска по археологическим и историческим данным // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т. 1. Омск; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 204–209.

Балюнов И. В. Датский королевский фарфор XVIII века в Тобольске // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Омск; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 209–213.

Бердников И. М., Бердникова Н. Е. К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 233–237.

Бернц В. А., Сабиров Т. Р. Фаянсовая посуда с клеймами из культурного слоя поселения Ижевский завод // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов. Ижевск : Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2020. С. 96–114.

Бубнова Е. А. Старый русский фаянс. М. : Искусство, 1973. 188 с.

Булгакова А. Эволюция «ботанических» росписей в европейском фарфоре // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2019. №3–4 (27–28). С. 28–40.

Галкина Е., Мусина Р. Кузнецовы. Династия и семейное дело. М. : Галерея «Времена года», 2005. 402 с.

Госкаталог музейного фонда Российской Федерации // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3708061> (дата обращения 12.05.2022)

Евшин А. С. Морфологическое описание археологической коллекции фарфора и фаянса на основе материала охранных работ по улице Герцена, 28 в г. Кирове // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) Киров : Изд-во ВятГУ, 2019. 3 т. [Электронный ресурс]. 3CD-ROM. С. 242–254.

Загваздина Я. Г. Находки китайского фарфора из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Наука, 2017. С. 463–465.

- Загваздина Я. Г. Фарфоровые куклы из усадьбы Неудачиных в Тобольске // *Genesis: исторические исследования*. 2021. №12. С. 198–206. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.12.37063
- Кауфман Ю. Б. Коллекция керамики из обер-офицерского дома в Кузнецкой крепости // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск : Апельсин, 2008. С. 272–280.
- Козлова-Афанасьева Е. М. Архитектурное наследие Тюменской области. Тюмень : ООО «Издательство Искусство», 2008. 488 с.
- Левченко Т. И., Крыжановский В. О. Фарфоро-фаянсовая посуда из раскопок Верхнего Киева в 2008–2009 годах // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск : Наука, 2017. С. 282–288.
- Левченко Т. И., Крыжановский В. О., Иванов О. К. Фарфор и фаянс Российской империи с улицы Олеговской в Киеве // *Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России*. Омск; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 214–221.
- Марки российского фарфора и фаянса. 1750–1960 / сост. Т. И. Дулькина. М. : Издательство Ирины Касаткиной, 2003. 422 с.
- Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2011. №2 (15). С. 116–124.
- Мусина Р. Р. Марки российского фарфора (1744–1917). М. : Знание, 1995. 80 с.
- Павлухина Н. «Вечный» кобальт на хрупком фарфоре // *Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования*. 2009. №3. С. 4–17.
- Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск : Апельсин, 2008. С. 251–262.
- Политова М. А. Фарфоровая кукла XIX–XXI вв.: эволюция типологии, социальный статус, функции // *Художественная культура*. 2020. №2. С. 316–335.
- Сауков Г. Н., Мергенева К. Н. Фаянсовая посуда уральских производителей XIX — начала XX века из раскопа городской усадьбы (Курган, ул. Куйбышева, 21): информационные возможности вещественного источника // *Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки*. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. С. 273–290.
- Семенова В. И. Стекло, фаянс, фарфор из раскопок в Тюмени 1988 года // *Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России*. Т. 1. Омск; Сургут : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 222–228.
- Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. Тюмень : Тюменский издательский дом, 2000. 577 с.
- Сладкова Л. Н. Отчет об археологических раскопках в исторической части города Тобольска Тюменской области, проведенных летом 1998 года. Тобольск, 1998. 106 с.
- Смышляева А. А. Очарование куклы // *Искусство Евразии*. 2019. №2 (13). С. 217–227.
- Татауров Ф. С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI — первой половины XVIII в. // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск ; Тюмень; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. I. С. 293–298.

Татауров Ф. С. Фаянсовая посуда второй половины XIX века в культурном слое города Тары // Вагановские чтения. Омск : Амфора, 2018. С. 347–349.

Татауров С. Ф., Татауров Ф. С. Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары // Былые годы. 2019. №54(4). С. 1418–1428.

Тропина М. В. Деятельность и судьба действительного статского советника В. П. Неудачина по документам ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» // Генеалогия и архивы. Челябинск : Челябинский Дом печати, 2020. С. 278–289.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.

Янченко Е. С. Фарфоровые и фаянсовые изделия из культурного слоя г. Кургана на примере раскопа усадеб на углу улиц Советская и Пичугина // Археология Среднего Приоболья и сопредельных территорий. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 119–123.

REFERENCES

Anoshko O. M. Tea Culture Residents of Tobolsk according to Archeological and Historical Data. In: Russian Culture in Archeological Research, 1. Omsk; Surgut : Izdatel'skayagruppa ANO "InstitutarheologiiSevera", 2021. Pp. 204–209. (*In Russ.*).

Baliunov I. V. Danish Royal Porcelain of the 18th Century in Tobol'sk. In: Russian Culture in Archeological Research, 1. Omsk; Surgut : Izdatel'skayagruppa ANO "InstitutarheologiiSevera", 2021. Pp. 209–213. (*In Russ.*).

Berdnikov I. M., Berdnikova N. E. On the Timing of the First Burials on the Territory of the Irkutsk Ostrog. In: Russian Culture in Archaeological Research. Omsk:Apel'sin, 2008. Pp. 233–237. (*In Russ.*).

Bernts V. A., Sabirov T. R. Faience Utensils with Stamps from the Cultural Layer of the Izhevsk Plant Settlement. In: Actual Problems of Studying Historical City-Factories. Izhevsk :Udmurtskijfederal'nyjissledovatel'skijcentrUrO RAN, 2020. Pp. 96–114. (*In Russ.*).

Bubnova E. A. Old Russian Faience. Moscow :Iskusstvo, 1973. 188 p. (*In Russ.*).

Bulgakova A. The Evolution of "Botanical" Paintings in European Porcelain. *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogoinstitutaantikvariata = World of Art: Bulletin of the International Institute of Antiques*. 2019;3–4(27–28):28–40. (*In Russ.*)

Galkina E., Musina R. Kuznetsov. Dynasty and Family Business. Moscow : Galereya «Vremenagoda», 2005. 402 p. (*In Russ.*).

State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation In: URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3708061>

Evshin A. S. Morphological Description of the Archaeological Collection of Porcelain and Faience on the Basis of Material from the Security Works at 28 Herzen Street in Kirov. In: Society. Science. Innovations (NPK-2019) [Electronic resource]. Kirov : Izdatel'stvo VyatGU, 2019. 3 т. 3 CD-ROM. Pp. 242–254. (*In Russ.*).

Zagvazdina Ya. G. Chinese Porcelain from the Cultural Layer of Tobolsk. In: Russian Culture in Archeological Research. Omsk : Nauka, 2017. Pp. 463–465. (*In Russ.*).

Zagvazdina Ya. G. Porcelain Dolls from the Estate of Neudachin in Tobolsk. *Genesis: istoricheskieissledovaniya = Genesis: Historical Research*. 2021;12:198–206. (*In Russ.*). DOI: 10.25136/2409-868X.2021.12.37063

Kaufman Yu. B. Collection of Ceramics from the Chief Officer's House in the Kuznetsk Fortress. In: Russian Culture in Archaeological Research. Omsk:Apel'sin, 2008. Pp. 272–280. (*In Russ.*).

Kozlova-Afanasyeva Ye. M. Architectural Heritage of the Tyumen Region. Tyumen : OOO "Izdatel'stvoIskusstvo", 2008. 488 p. (*In Russ.*)

Levchenko T. I., Kryzhanovskiy V. O. Porcelain and Earthenware Excavated in the Upper Kyiv in 2008–2009. In: Russian Culture in Archaeological Research, Omsk:Nauka, 2017. Pp. 282–288. (*In Russ.*).

Levchenko T. I., Kryzhanovskiy V. O., Ivanov O. K. Porcelain and Earthenware of the Russian Empire from Olegovskaya Street in Kyiv. In: Russian Culture in Archeological Research. Archeology of the North of Russia. Omsk; Surgut : Izdatel'skayagruppa ANO "InstitutarheologiiSevera", 2021. Pp. 214–221. (*In Russ.*).

Marks of Russian Porcelain and Faience. 1750–1960 / comp. T. I. Dulkina. Moscow : Izdatel'stvoIrinysKatkinoy, 2003. 422 p. (*In Russ.*).

Matveev A. V., Anoshko O. M., Siryushova N. F. Ancient Porcelain and Faience from the Cultural Layer of Tobolsk. *Vestnikarheologii, antropologiiietnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography* 2011;15(2):116–124. (*In Russ.*).

Musina R. R. Marks of Russian Porcelain (1744–1917). Moscow:Znanie, 1995. 80 p. (*In Russ.*).

Pavluhina N. "Eternal" Cobalt on Fragile Porcelain. *Antikvariat, predmetyiskusstvaikolekcionirovaniya = Antiques, Art and Collectibles*. 2009;3:4–17. (*In Russ.*).

Parkhimovich S. G. Collection of Artifacts from the Excavations of the Berezovsky Settlement. In: Russian Culture in Archaeological Research. Omsk:Apel'sin, 2008. Pp. 251–262. (*In Russ.*).

Politova M. A. Porcelain Doll of the 19th–21st Centuries: Evolution of Typology, Social Status, Functions. *Hudozhestvennyakul'tura = Art Culture*. 2020;2:316–335. (*In Russ.*).

Saukov G. N., Mergeneva K. N. Faience Dishes of Ural Manufacturers of the 19th — early 20th Centuries from a City Estate Excavation (Kurgan, 21 Kuibyshevskiy): Informational Possibilities of Material Source. In: The Role of Material Sources in the Information Support of Historical Science. Moscow : Institutnauchnojinformacii poobshchestvennyimnaukam RAN, 2020. Pp. 273–290. (*In Russ.*).

Semenova V. I. Glass, Faience, Porcelain from the Excavations of Tyumen in 1988. In: Russian Culture in Archaeological Research. Vol. 1. Omsk; Surgut : Izdatel'skayagruppa ANO "InstitutarheologiiSevera", 2021. Pp. 222–228. (*In Russ.*).

Siberian and Tobolsk Governors: Historical Portraits, Documents / ed. by V. V. Konovalov. Tyumen': Tyumenskijizdatel'skiydom, 2000. 577 p. (*In Russ.*).

Sladkova L. N. Report on Archaeological Excavations in the Historic Part of the Town of Tobolsk, Tyumen Region, Conducted in the Summer of 1998. In: Scientific Archive of the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve. NA-1644. Tobolsk. 1998. 106 p. (*In Russ.*).

Smyshlyaeva A. A. Charm of a Doll. *IskusstvoEvrazii = Art of Eurasia*. 2019;2(13):217–227. (*In Russ.*).

Tataurov F. S. Systematisation of Archaeological Collections as a Tool to Re-create the Social Image of the Russian Population in West Siberia in the Late 16th— Early 18th Centuries.

In: Russian Culture in Archaeological Research, 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan, 2014. Pp. 293–298. (*In Russ.*).

Tataurov F. S. Faience Ware of the Second Half of the 19th Century in the Cultural Layer of Tara. In: Vaganovsky Readings. Omsk: Amfora, 2018. Pp. 347–349. (*In Russ.*).

Tataurov S. F., Tataurov F. S. Porcelain and Faience in the Cultural Layer of the City of Tara. *Bylye Gody = The Old Years*. 2019;54(4):1418–1428. (*In Russ.*).

Tropina M. V. Activities and Fate of the Real State Councilor V.P. Neudachina according to the Documents of the SBITR “State Archive in Tobolsk”. In: Genealogy and Archives. Chelyabinsk: Chelyabinskij Dom pečati, 2020. Pp. 278–289. (*In Russ.*).

Chernaya M. P. Vaivode’s Manor in Tomsk. 1660–1760-ies: Historical and Archaeological Reconstruction. Tomsk: D’Print, 2015. 276 p. (*In Russ.*)

Yanchenko E. S. Porcelain and Faience Products from the Cultural Layer of the City of Kurgan on the Example of the Excavation of Estates at the Corner of Sovetskaya and Pichugina Streets. In: Archaeology of the Middle Tobol and Adjacent Territories. Kurgan: Izdatel’stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. Pp. 119–123. (*In Russ.*).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Загваздина Яна Геннадьевна, младший научный сотрудник Тобольской комплексной станции Уральского отделения Российской Академии наук, Тобольск, Россия.

Yana Gennadievna Zagvazdina, Junior Researcher of Tobolsk Scientific Station of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobol’sk, Russia.

Статья поступила в редакцию 24.04.2022;

одобрена после рецензирования 26.05.2022;

принята к публикации 31.05.2022.

The article was submitted 24.04.2022;

approved after reviewing 26.05.2022;

accepted for publication 31.05.2022.